

ФОТОГРАФ СЕНЦОВ, КОЛЛЕКЦИОНЕР И ЗАНУДА

С 17 ноября по 3 февраля в главном здании Бахрушинского музея открыта выставка Виктора Сенцова, известного театрального фотографа. Выставка называется «Театр. Автограф в XXI век». На ней представлены дважды авторские работы. Это фотографии спектаклей, людей театра, актеров и режиссеров, активно участвовавших в театральном процессе последнего десятилетия. И это фотографии, в которые «вписаны» автографы героев Сенцова.

Когда режиссер Кристиан Люпа давал Сенцову автограф, он написал: «Умейте использовать свое внутреннее сумасшествие». У Сенцова этого самого «сумасшествия» хоть отбавляй. Он сохранил отношение к своей профессии, как к хобби, и свое хобби сумел использовать в профессии. Свои увлечения и свое дело он любит страстно и пристрастно. Всем известно его занудство. Он не просто приносит в редакцию фотографии, он всегда знает, как их лучше было бы подать и сканировать. Он вечно предлагает из них выстраивать разнообразные «натюрморты»: пустить на полосу или сквозь всю статью, соединить в цепочки, в сюжеты, перемежая вертикали с горизонтальными. Цель одна – отразить объект как можно полнее и с самых разных точек съемки. Он обожает театр и мечтает остановить мгновение.

Театром Сенцов интересовался всю жизнь, хотя профессионально им занимается только полжизни. Но в итоге все в его судьбе – и увлечения, и профессиональные навыки – гармонично

связалось друг с другом. Он закончил факультет журналистики МГУ, фотоотделение. Еще студентом снимал театр, но потом долго работал в газетах, как фотограф общего профиля. Служил в «Комсомолке» «билдом». Для ее воскресного приложения, где печатался театральный репертуар, ровно через 25 лет снова начал снимать театр. Спустя шесть лет, день в день, оказался на улице...Потом он пришел в «Афишу», где его оценили две замечательные девушки, Ирина Меглинская и Елена Ковальская. Вторым изданием, которое его поддержало, был журнал «Театр». Обоим он и сейчас благодарен. Поэтому логично, что о Сенцове в буклете к его персональной выставке «Автограф» написали Елена Ковальская и Валерий Семеновский, а также директор Барушинского музея Дмитрий Родионов.

Как журналист, он легок на подъем, мобилен, всегда умеет найти и организовать сюжет. Как бывший «билд», всегда заранее видит сюжет в «полосе», мысленно макетирует фотографию, с ходу строит композицию. При этом помнит, что не театр для него, а он для театра, фотограф лишь фиксирует момент. И, кстати, Сенцов всегда точно определяет качество этого момента.

Его хобби – страсть к книгам, собирательству, коллекционированию – тоже, как ни странно, отразилось на его театральной фотографии. У него прекрасная библиотека, редкие книги по драматическому театру, издания по балету. Многие тоже, кстати, с автографами. Говорит гордо: «Я еще в отличие от других их читаю». Отдельная его радость – коллекция книг-малюток. На мое недоумение – «Ну а это тебе зачем?!» – честно признается: «Красиво же. Эстетика какая, посмотри!» И совсем уж уникальное его собрание – советские детские книжки, в мягких обложках, по 10-15 страничек, с дивными иллюстрациями очень знаменитых сегодня художников.

– Книжки же раньше, если ты помнишь, доставались по спискам, по благу, по записи. Единственные, которые были более или менее доступны, это детские. Но и на них работали великие художники. Их выпускали, слава богу, большим тиражом, от 10 тысяч до миллиона, поэтому у

течение нескольких месяцев их реально было купить. Когда у меня родилась дочь, я стал покупать эти книжки в двух экземплярах: один экземпляр – ребенку на разрыв, а вторые я копил и складывал. Почему эти книжки сейчас так редки? Они же были мягкие и быстро рвались. Некоторые издания 1930-х годов сейчас стоят больше тысячи долларов. А у меня есть даже первые книги издательства «Радуга» с рисунками Анненкова. Детские книжки иллюстрировали тогда очень хорошие художники. Я сейчас без проблем могу тебе назвать человек сто, а то и двести первоклассных книжных графиков. Я знаю почерк каждого: Лебедев, Конашевич, Герасимов, Сутеев, Митурич. Вот Митурич ушел недавно (величайший был

книжный иллюстратор!), а никто даже не заметил. А он фантастически «Маугли» нарисовал, на века. Есть у меня и «Кентерберийские рассказы» в оформлении С. Бархина. Он ведь много работал в книжной графике. Эта книжка – тоже редкость. Фактически тираж ее был 4000 экземпляров вместо 5000. В типографии, видимо, воровство процветало. И 1000 спрятали в водосточную трубу, чтобы потом украсть, а пошел дождь, и книжки уничтожила вода. Об этом, наверное, даже сам Бархин не знает. Но я-то, книжник и букинист, знаю.

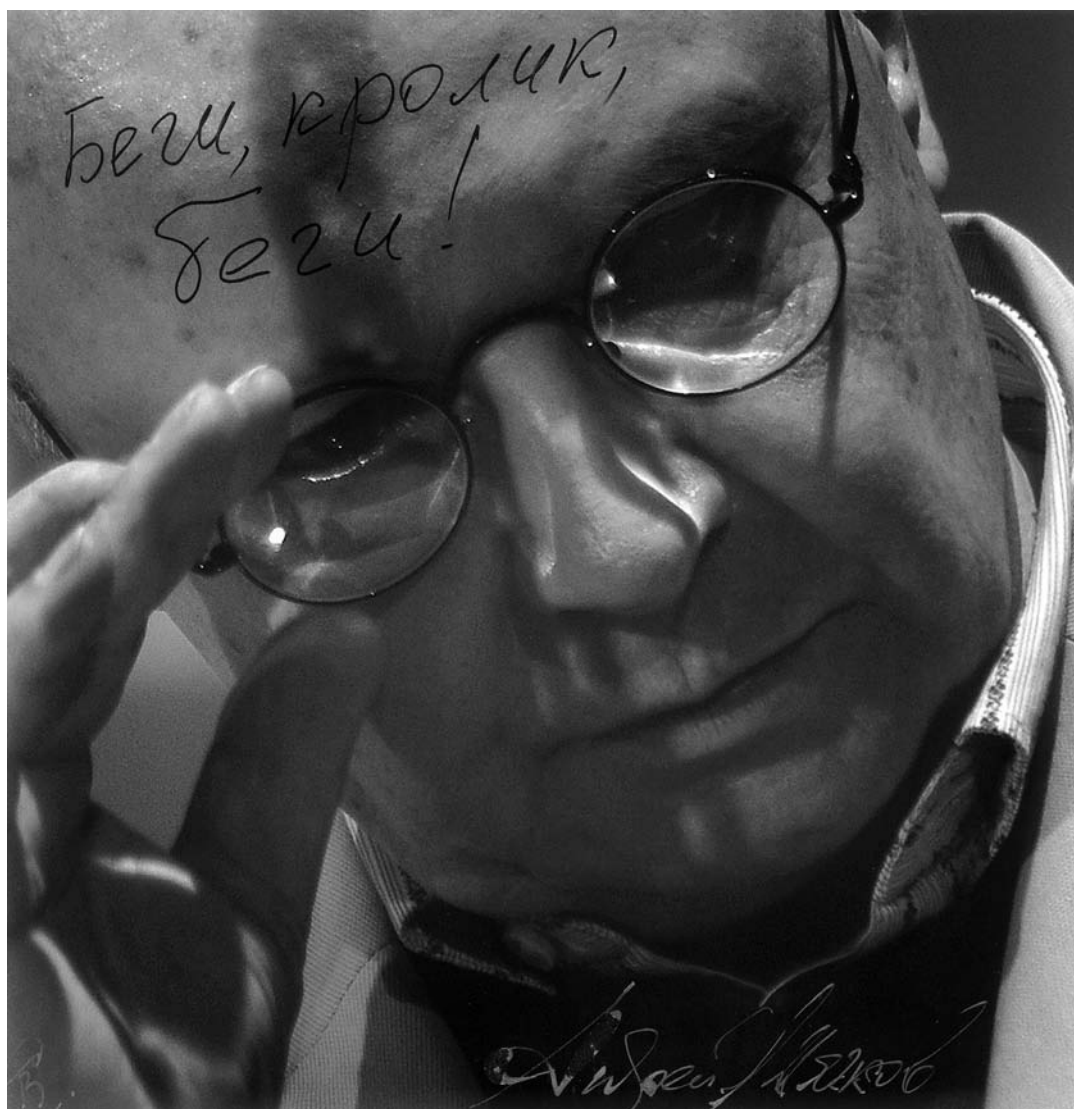
Он много чего знает, если к нему обращаются коллеги и просят оценить ценность той или иной книги. Он, как Гобсек, перебирает свои сокровища: старые театральные программки, детские

книжки, оригинальные рисунки, приобретенные у художников-графиков. Он произносит неведомые мне, но на слэнге книжников понятные слова «целячок», «хруст», «в одеяле», «девственное состояние». А я вдруг вижу перед собой не взрослого дядьку, опытного фотографа, матерого газетного «волка», а шестилетнего мальчика, который вот такими горящими глазами мог бы, наверное, смотреть на только что купленную игрушечную

железную дорогу. Разве в 55 лет это плохо? Этому можно только завидовать.

– Снимая театр, как ты формулируешь свою цель? Чего ищешь в лицах, спектаклях?

– Уж точно мной движет не желание лишний раз щелкнуть затвором. Надо создать композицию. В идеале из этих фотографий тоже должна получаться книжка. Театр – это ведь синтез работы разных людей: актеров и режиссера, художника по свету, декоратора. Мое дело – постараться

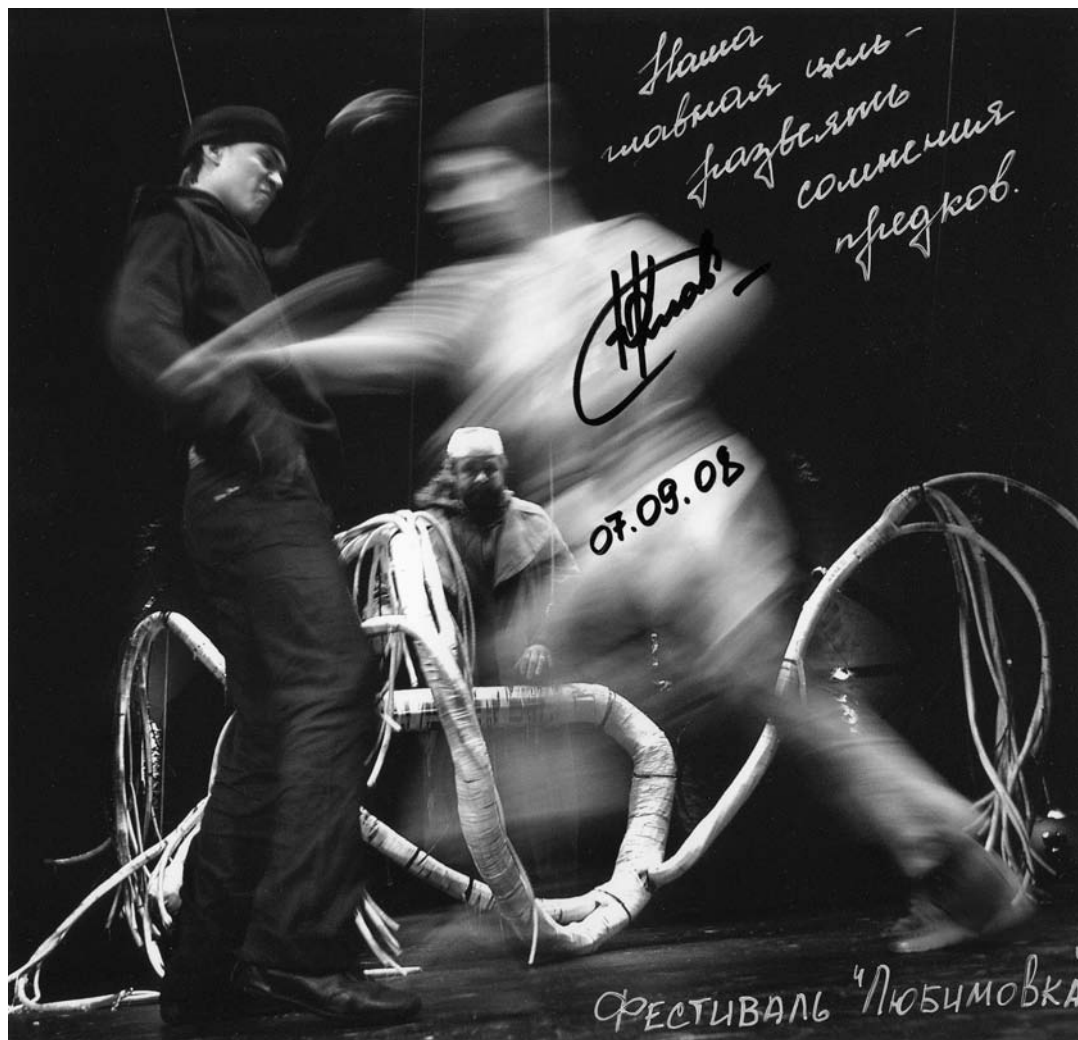

подать результат всей команды: все достаточно просто. Я считаю, что снимок, сделанный во время спектакля или на репетиции, и театральная фотография – не одно и то же. Знаковые театральные вещи, постановочные тоже должны быть. Но у меня нет ни одной постановочной фотографии. Я не считаю, что это плохо, это просто «другое», я снимаю театр только репортажным методом. Снимаю не только «полтинником», но и «всей линейкой», длиннофокусным объективом, широкоугольным – в зависимости от того, какие решаю задачи. Плюс голова, плюс то, что я думаю по поводу спектакля, того или иного своего героя, плюс поиск композиции со всех возможных точек.

Я могу снять спектакль с колосников (чуть не сказал – с антресолей), из карманов, с балкона. Когда весь спектакль снимаешь с одной точки, видно только лобовое решение. С разных сторон спектакль смотрится иначе, полнее, это позволяет хоть как-то сохранить динамику театра. Во второй раз я, например, «Чайку» Ноймайера снимал сверху. В этом ракурсе авангардный балет Треплева с его конструктивистскими костюмами выглядит просто завораживающим зрелищем. Сверху, кстати, хотя бы раз любой спектакль надо снимать, чтобы видеть общее сценографическое решение, всю композицию.

– А сколько раз фотографу нужно посмотреть спектакль, чтобы снять его максимально хорошо?

– По-разному. Много зависит от того, насколько ты знаешь режиссера и сколько он может тебе позволить. У каждого режиссера – своя манера, мышление, композиция, я их уже знаю, чувствую. Гинкас, например, при съемке на репетиции может даже разрешить тебе ходить по сцене. Фокин практически никого на репетиции не пускает, но ко мне уже привык, иногда позволяет. Райкин ближе третьего ряда никого из фотографов даже не сажает. Житинкин позволяет делать

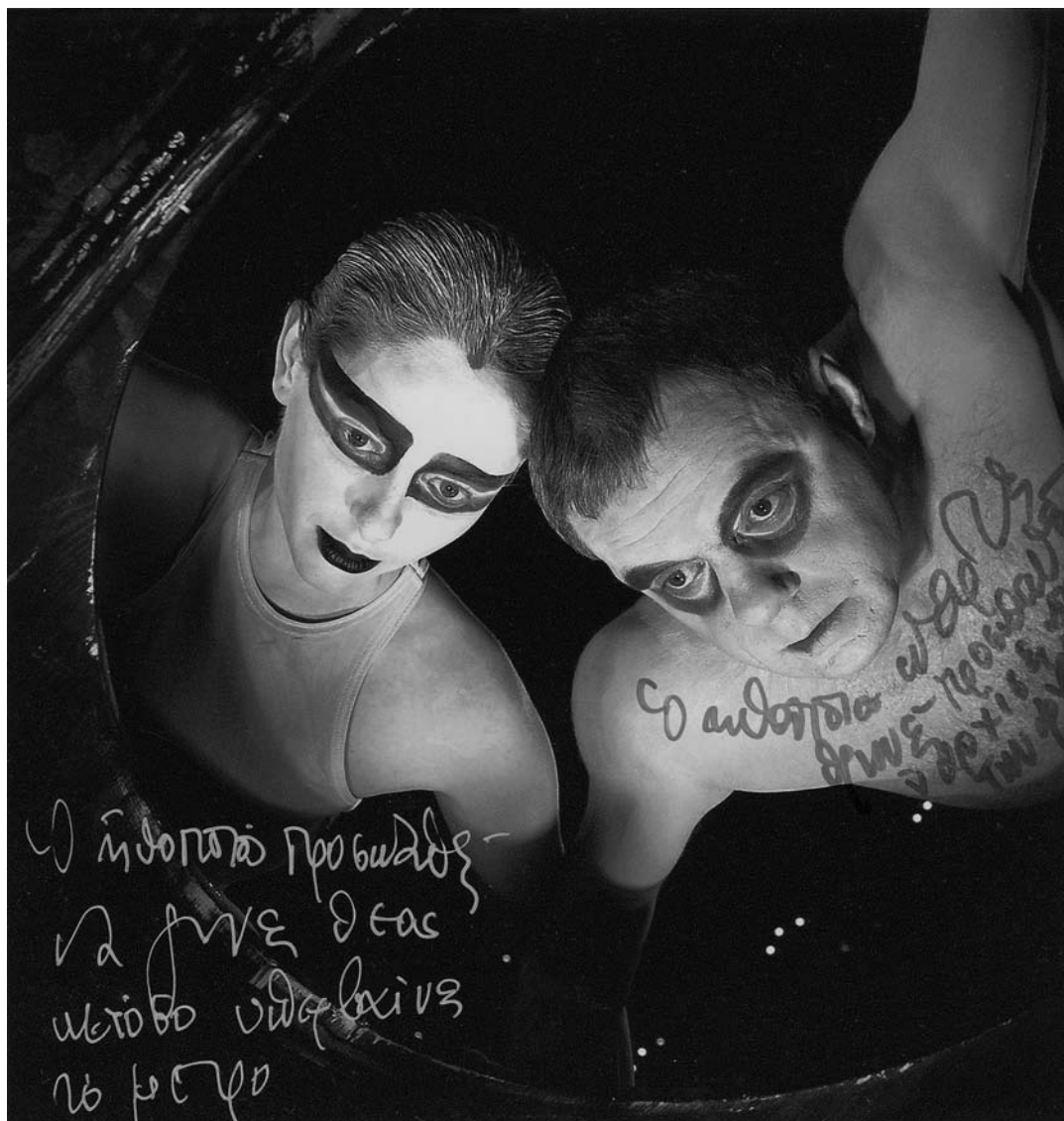
практически все на прогонах. Кстати, лучше всего снимать спектакль на прогонах. Не люблю специальные фотосессии перед премьерой, когда фотографам показывают отдельные эффектные, по мнению режиссера или продюсера, сцены. Тогда не понять, что такое весь спектакль. На премьерке снимать страшно неудобно. Тогда ты тоже зритель, просто с камерой в руках. Я в такой ситуации чувствую себя скованно, вечно боюсь кому-то помешать смотреть, хотя техника у меня работает бесшумно.

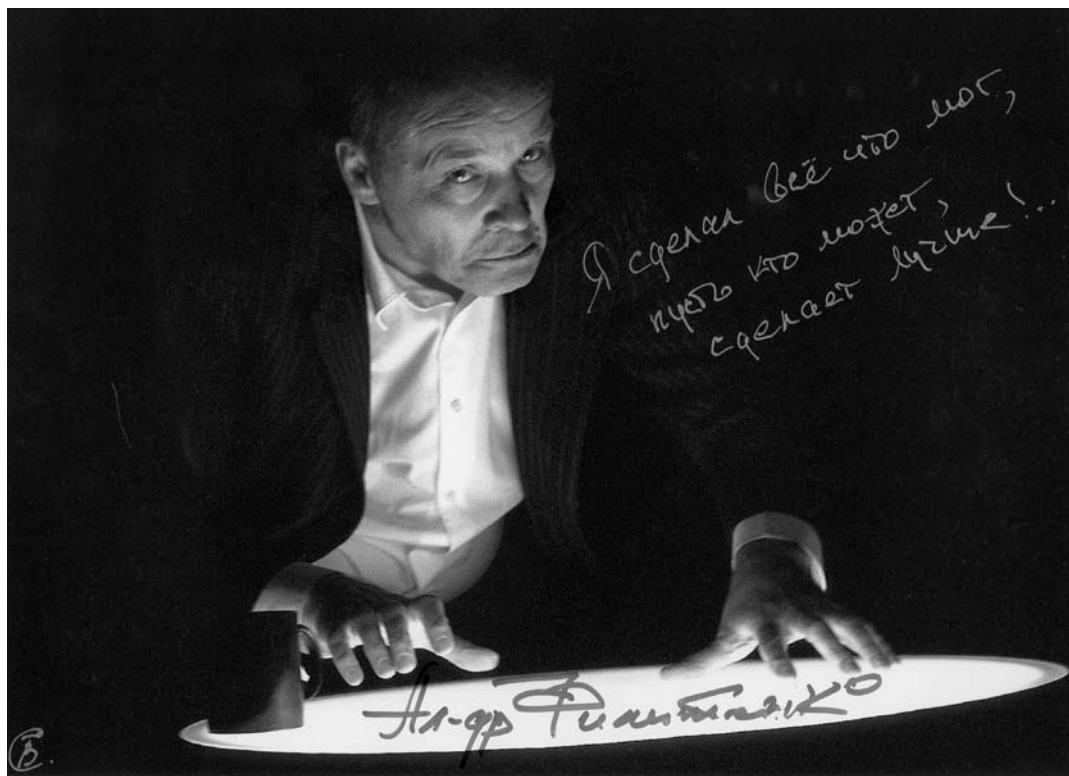
Я снимаю один и тот же сюжет много раз. Иногда жду определенную сцену, цветное

решение, люблю костюмы в движении. Иногда иду на спектакль за одним конкретным кадром, знаю, что хочу поймать. Театр – это же не статичные картинки. Когда знаешь закулисы, чувствуешь театр изнутри, и снимаешь по-другому.

Мой личный рекорд – я 11 раз смотрел «Вишневый сад» Някрошюса и 5 раз его снимал. Я его знаю наизусть. Есть фотографии, которые уже не повторить. Первые три «Вишневых сада» шли в Театральном центре «На Страстном». Я тогда на

репетиции «контрабандно» щелкнул несколько раз с балкона, и один снимок получился удивительно интересным. В кадре просто висит напряженная работа так и называется «Някрошюс. Вишневый сад. Репетиция» (кстати, он напечатан в прошлом сборнике «Вопросы театра». – Н.К.) Такие кадры случаются раз в 10 лет. Как, например, снимок Всеволода Тарасевича, когда он незаметно щелкнул Шостаковича. Шостакович шел по коридору в примерную, а фотограф щепочку

поставил под дверь, и дверь неплотно закрылась. Через эту приоткрытую дверь он и сфотографировал композитора.

– Как родилась идея выставки «Автограф»?

– Идею «украл», но творчески развил. Она пришла мне в голову после книги Виктора Ахломова «На рубеже веков». У него на фотографиях было много людей культуры, фото с надписями ему лично. Такие были и у меня в личной коллекции, но мне показалось, что это не так интересно – «Вите Сенцову на добрую память». И я придумал автографы-реплики, фиксирующие некое психологическое состояние моих героев на момент съемки. На всех фотографиях зафиксировано начало XXI века, спектакли и люди, которых прямо с выставки еще можно пойти посмотреть. Это пока не чистая история. Здесь и портреты, и репортажи со спектаклей, представлены и репертуарный театр, и антрепризный, и молодежный, авангардный, и зарубежные спектакли, которые к нам привозили, и спектакли иностранных режиссеров, поставленные в России.

Кстати, с автографами далеко не все. Надо иногда нарушать собственный принцип, строить общий визуальный ряд, но перемежать его некими фотографиями-«смазочками», без подписей, без автографов. Так и принцип виднее. Главная цель этой выставки – передать атмосферу театра последних восьми годов, показать театр начала XXI века, каков он есть, во всем его драматизме, стилевом разнообразии и человеческих противоречиях. Свой стиль я иногда шутя называю «романтическим реализмом». Может быть, неточно, но мне нравится.

Н.Казьмина

Фотографии В. Сенцова к спектаклям «Смерть Тарелкина» (Театр «Et cetera»), «Белый кролик» (МХТ им. А.П. Чехова), «Дама с собачкой» (МТЮЗ), «Пойдем, нас ждет машина» (ЦДР А. Казанцева и М. Рощина), «Эдип-царь» (Александринский театр), «Продукт» (Театр «Практика»)